

Александр Яковлевич, Борис Алексеевич и другие

Последний раз я видел АЯ, рыдающего над гробом поэта Бориса Чичибабина. АЯ и его жена Дия Александровна давно знали, любили, и, в своё время поддерживали БА. В замечательном прощальном альбоме «Мгновения жизни», собранном АЯ из уникальных фотографий ДА, снабжённых его комментариями и текстами, творчеству БА отведено несколько страниц.

Оба они (и АЯ и БА) безусловно, были шестидесятилетниками, хотя БА прозрел значительно раньше, за что и успел хлебнуть. И при всём различии их социального статуса (директор института, лауреат и до поры до времени, любимец властей – и скромный бухгалтер троллейбусного треста, впоследствии, впрочем, тоже лауреат) у них было что-то общее, глубинное. Я думаю, оба были поэтами. Стремление к духовному взлёту, ожидание какого-то чуда в науке было, безусловно, свойственно АЯ. Он как-то признался, что ждёт мгновения, когда откроется дверь и к нему войдёт будущий Ломоносов. Может эта, несколько наивная вера и заставила АЯ поддерживать многих и многих. Не знаю, можно ли назвать АЯ юдофилом, но он поддерживал молодых талантливых людей не взирая на препоны. Политика партии по т.н. «еврейскому вопросу» в те годы глубоко шокировала АЯ, он видел в ней элементы фашизма.

В связи с этим, я хочу обратиться ко времени, когда создавался ИРЭ, к середине 50-х годов. Для большинства возможных читателей этих строк уже требуется воспроизведение примет той эпохи, ибо многое, что тогда было нормой жизни, теперь уже трудно представить. Я воспользуюсь для этого воспоминаниями моих коллег и друзей.

Но вначале давайте взглянем на редкую фотографию, где изображены наши действующие лица.

На снимке мы видим А.Я.Усикова (директора ИРЭ), В.Л.Германа (зав. теор-отделом) и С.Я.Брауде перед Ленинской аудиторией ХГУ, куда физики спешат на какое-то выдающееся мероприятие. Скорее всего, это лекция Л.Д.Ландау, которую он прочитал во время своего приезда в Харьков в 1956 году. Они прервали беседу и доброжелательно смотрят на фотографа. Немудрено, что этим фотографом хотел бы

оказаться ваш покорный слуга. Но, честно говоря, я совершенно не помню, откуда у меня эта фотография и кто делал этот замечательный снимок. На втором плане мы видим спешащего на лекцию В.П.Шестопалова, будущего директора ИРЭ, который даже не подозревает, что и он попадает в кадр.

А теперь я предоставлю слово Марку Азбелю, физику с мировой известностью, профессору Тель-Авивского Университета, используя уникальное издание воспоминаний выпускников физмата ХГУ 1953 года ¹.

«Я родился 12 мая 1932 года в Полтаве. Три впечатления в большой мере определили всю мою жизнь. Пожалуй, **первое**: я – еврей. Это очень стыдно, очень плохо, но изменить этого нельзя. Позже я узнал, что и Моисей, и Христос тоже были евреями, как и Маркс, Фрейд и Эйнштейн. Поэтому, когда в 1948 году я получал паспорт и добрый офицер милиции уговаривал меня записаться русским (в свидетельстве о рождении 1932 года не было национальности родителей), я сказал, что хочу остаться евреем. .... Когда в 53-м я окончил Университет, я оказался преподавателем математики в вечерней школе. В 55-м году я защитил кандидатскую диссертацию, правда, по-пластунски. После выступления Ильи Михайловича Лифшица на университетском Совете, где он только что не назвал голосовавших против антисемитами в открытую, Совет проголосовал 33 – за, 11 – против. Но на некоторых ученых моя кандидатская произвела впечатление, и всесильный тогда Курчатов предложил мне место... Родственником Курчатова был директор УФТИ Кирилл Дмитриевич Синельников. И с подачи Ильмеха – Ильи Михайловича Лифшица – он меня туда взял.»

Здесь я хочу сделать важную для темы наших воспоминаний ремарку. Есть веские основания считать, что преодоление барьеров для оформления в УФТИ было плодом усилий не КД, а АЯ. Дело в том, что оформляли Марка Азбеля первоначально к В.Л.Герману, о чем В.Л мне как-то сам (с некоторой обидой) говорил. Новый Институт (ИРЭ) создавался на первых порах внутри старого УФТИ. И уже когда главные трудности были преодолены, произошло то, о чем написал Марк, который либо забыл, либо опустил некоторые детали. Так что путевку в жизнь выдающемуся физику, скорее всего, выписал А.Я.Усиков.

Процитируем теперь из того же издания воспоминания член-корреспондента НАН Украины Ель Марковича Ганапольского.

«Моя научная карьера сложилась более или менее благополучно. Связано это в значительной степени с тем, что на разных этапах встречались замечательные люди, которые мне помогали и зачастую играли ключевую роль в моей судьбе.

....

В университете учиться было очень интересно и никаких проблем не возникало. Проблемы, и очень серьезные, возникли после его окончания. Меня нигде не принимали на работу. На какой бы завод я ни обращался, везде мне говорили – такие нам не нужны. Я, воспитанный в советском духе, не мог это понять. Я не знал, что в то время широко проводилась ... политика государственного антисемитизма. И «дело врачей» только начало. Предполагалось, как позже стало известно, окончательно решить «еврейский вопрос», если не с помощью газовых камер, то путем высылки всех евреев в Магаданскую область, где были построены бараки и созданы соответствующие «комфортные» условия.

....

Однако, в 1956 году ситуация существенно изменилась. В.Л. Герман, к которому я обратился за рекомендацией для поступления в ИРЭ, с энтузиазмом воспринял мою просьбу. Он убедил директора ИРЭ академика АН УССР А.Я. Усикова и зав. отделом А.Н. Чернеца принять меня в Институт. В условиях «хрущевской оттепели» открылась

---

¹ Кто є хто. 50 лет випуску физмата-53 ХГУ. Харьков, 2003, 83 с.

небольшая «щель» и вместе со мной в Институт были приняты на работу Э.А. Канер, Ф.Г. Басс и В.М. Конторович.

.....
Принятый на работу в ИРЭ, в режимный институт, я отлично сознавал, что от меня требуется очень большая отдача. Ведь еще совсем недавно я безуспешно пытался устроиться на какую-либо работу. Ко мне приходил Мона Канер и говорил: надо сегодня работать на пределе возможного и успеть сделать в науке что-то существенное, потому что завтра такой возможности может уже не оказаться. Это обстоятельство постоянно довлело, да и сейчас довлеет надо мной, правда, уже по другой причине.»

Комментарии здесь излишни, и так же как и автор процитированных воспоминаний, я храню глубочайшую признательность АЯ за его роль в моей судьбе.

О совместной работе с АЯ, которую мы выполнили вместе с П.В.Блиохом и Э.А.Канером, я расскажу чуть позже. А сейчас позволю себе вспомнить те работы, совершенно забытые сейчас, которые были связаны с электронными пучками – кругом ближайших интересов АЯ в те годы. Это может служить некой преамбулой к статье с моим участием в данном сборнике.

В это время в электронных отделах ИРЭ работали замечательные экспериментаторы, среди которых своим талантом и несколько экстравагантным поведением выделялся ближайший сподвижник АЯ Усикова Григорий Яковлевич Левин. С помощью интуиции, виртуозных механиков, таких как А.П.Васюренко, способных соорудить Блохе Левши любой предмет туалета, экспериментального чутья и еще бог знает чего, Г.Я.Левин реализовал чрезвычайно удачную геометрию взаимодействия электронного пучка с замедляющей системой, в которой пучок распространяется под небольшим углом к ней. Это привело к огромному по тем временам увеличению мощности излучения в коротковолновом диапазоне, который тогда осваивался новым институтом. За прибор этот, получивший название «клинофона» и еще многое другое, но м.б. не столь эффективное, ряд сотрудников ИРЭ (в том числе АЯ и ГЯ) получили впоследствии Ленинскую премию.

Одна из моих первых работ, относившихся к институтской тематике, и была,, выполненная вместе с В.Я.Малеевым, теория клинофона. Собственно теорией эту работу можно было назвать весьма условно, мы использовали одноволновое описание с помощью введенного нами эффективного поверхностного импеданса, зато волна у нас была поверхностная, и это было самым главным и правильным. При небольшом наклоне пучок распространялся у нас в нарастающем поле поверхностной волны, что и приводило к росту усиления. Впоследствии сходную идею мы вместе с В.И.Вигдорчиком-младшим применили к разрабатывавшимся в институте, в том числе тем же Г.Я.Левиним, магнетронам с поверхностной волной. Естественно, что после развертывания работ на декаметровом радиотелескопе солнечные радиовсплески, наблюдавшиеся Л.Л.Базеляными его товарищами, и порождаемые знакомыми нам по исследованиям АЯ и его сотрудников электронными пучками, одними из первых привлекли внимание теоретиков ².

Что касается нашего с АЯ предложения использовать лазеры для избирательной откачки газов и, в частности, для актуальной задачи разделения изотопов ³, то это лишь малая толика той глубокой идеи, которая вдохновляла тогда АЯ, и которую мы, его молодые соавторы, так как следует и не смогли понять в свое время. Это была идея управления атомами на микро уровне, совершенно правильная, как мы теперь знаем, после остановки-охлаждения атомов лазерными пучками, подвешивания единичных атомов и Нобелевских премий.

---

² В.И.Вигдорчик, *Астрономический Журнал*, 1979, **56**, 391.

³ А.А.Усиков, В.М.Конторович, Э.А.Канер, П.В.Блиох, *УФЖ*, **17**, 1245-1248.

Вернемся к началу. На одном из заседаний ученого Совета Института где-то в конце 60-х – начале 70-х АЯ сделал нам сюрприз. После собственно научной части, сказал он, мы на каждом совете будем встречаться с творческими, интересными людьми. И первая встреча предстоит нам с Поэтом, с харьковским поэтом Борисом Чичибабиным. Он прочтет нам свои стихи.

Я замер. Я знал БА, его неумный характер, отчасти был знаком и с некоторыми его стихами. Большинство из них нигде не публиковались, и не могли быть опубликованы в то время. Выступая, БА отнюдь не подстраивался к аудитории, скорее напротив. Он зачастую шел на обострения, заядлый спорщик, при всей мягкости характера он, читая стихи, бывал беспощаден. Так было и на сей раз. Не могу поручиться, но, кажется, он прочитал тогда и ставшее впоследствии широко известным его программное стихотворение «Не умер Сталин».

...А в нас самих, жесток и хищен,
Не дух ли сталинский таится,
Когда мы истины не ищем,
А только нового боимся...

Впечатление было очень сильное, утроенное местом, где читались эти стихи. Часть членов Совета была в шоке. Больше на заседания нашего Ученого Совета творческих, интересных людей не приглашали.

Дань уважения к БА Александр Яковлевич сполна выразил в «Мгновениях жизни». Мне посчастливилось прочитать их еще в стадии макета. АЯ посчитал, что я могу принести какую-то пользу делу, и лично приходил ко мне домой с будущей книгой. Для меня это остается, и по сей день, большой наградой, так же как и надпись на подаренном экземпляре, где явно завышены мои достоинства, и сквозит пронзительная нота любви к жизни, к ее кратким мгновеньям.

А.Я. Усиков **Мгновения**
кадры
фотоискусства **ЖИЗНИ**
встречи
с деятелями искусства,
литературы, науки
страницы
истории развития
физической науки
в Харькове

Дорогой Виктору Моисеевичу Фоменко
С теплотой благодарности и огромной силой держу
на память о мгновениях нашей жизни.
Усиков
7 июля 1991 *А. Усиков*